

Герои Максима Горькаго передъ судомъ академика.

Въ послѣднее время вошло въ моду разбирать разныя литературныя произведенія съ спеціальныхъ точекъ зрѣнія.

Уже давно прошло то время, когда довольствовались одной художественной оцѣнкой литературнаго произведенія. Къ художественному и психологическому анализу теперь присоединяютъ еще социологическій, психиатрический, медицинскій и т. д.

Такъ, въ прошломъ академическомъ году нѣсколько засѣданій петербургскаго Общества психиатровъ было посвящено разбору произведений Максима Горькаго и Леонида Андреева съ точки зрѣнія психопатологіи. Хотя и рѣзко нѣсколько убого объясненіе, напримѣръ, недовольства Оомы Гордѣева присущей ему якобы нейрастеніи и другія тому подобныя „ученыя“ толкованія, тѣмъ не менѣе такое освѣщеніе съ различныхъ сторонъ выдвинутой литературою типовъ желательное.

Теперь известный физиологъ, академикъ Тархановъ, выступилъ съ разборомъ драмы „На днѣ“ съ точки зрѣнія... биологіи.

Прочитанная имъ въ апрѣлѣ этого года и привлечшая массу публики „Герои „На днѣ““ Максима Горькаго съ биологической точки зрѣнія“ напечатана теперь въ видѣ статьи въ *Вѣстникъ Самообразованія* и получила широкое распространеніе.

Статья эта производитъ такое странное впечатлѣніе, что обойти этотъ своеобразный анализъ глубочайшаго произведенія Максима Горькаго полнымъ молчаніемъ было бы непростительно.

Почтенный ученый посвятилъ разбору драмы съ точки зрѣнія биологіи меньше половины своей статьи; большую же часть статьи онъ удѣляетъ общелитературному анализу. Этотъ общій недостатокъ всѣхъ критиковъ изъ специалистовъ, увѣковѣченный Крыловымъ въ одной изъ его басенъ, даетъ намъ возможность составить себѣ довольно точное представленіе о взглядахъ знаменитаго физиолога.

Разборъ начинается съ хозяевъ ночлежки—супруговъ Костылевыхъ. Тархановъ совершенно вѣрно характеризуетъ ихъ какъ „голистовъ, эксплуататоровъ, людей, пылающихъ чистоживотными страстями, лишенныхъ всякаго нравственнаго чувства, всякаго состраданія къ ближнему“ и отвѣчаетъ, что „несмотря на ихъ большую обезпеченность, нѣтъ въ нихъ ни одного свѣтлаго луча, ни одной божьей искры“... Откуда же взялись эти типы? Какая почва подготовила ихъ? спрашиваетъ ученый физиологъ, и отвѣчаетъ такъ: „Дурная среда, быть можетъ наследственность, нужда, лишенія и отсутствіе всякаго умственнаго и нравственнаго развитія, а также и религіознаго воспитанія послужили къ формированью столь гнусныхъ типовъ“.

Такое наполовину биологическое, наполовину психологическое толкованіе можетъ только вызвать улыбку, тѣмъ болѣе, что здѣсь рѣчь идетъ не объ однихъ Костылевыхъ, а вообще о хозяевахъ-хищникахъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь всѣ остальные обитатели ночлежки подвергались вліянію перечисленныхъ выше факторовъ въ еще большей степени, чѣмъ отвратительная чета Костылевыхъ, и тѣмъ не менѣе не сдѣлались эксплуататорами, не стали высасывать послѣднихъ соковъ изъ бѣдняковъ.

Если нужда, лишенія, отсутствіе умственнаго и нравственнаго развитія способствуютъ выработкѣ типа хищниковъ, то почему же костылевскія черты встрѣчаются и у хозяевъ, получившихъ великолѣпное образованіе и живущихъ въ роскошныхъ палаццо? Очевидно, что то не такъ.

Хозяева пауки, въ родѣ Костылевыхъ, выросли вовсе не на почвѣ нужды и лишенія, а выдѣлились изъ своеобразныхъ условій современнаго хозяйственнаго строя. Только точнымъ анализомъ сложной структуры современнаго товарнаго хозяйства и можно выяснитъ, откуда взялись эти омерзительные типы. Впрочемъ, кромѣ узко биологической, есть еще широкая натуръ философская точка зрѣнія, которую Тархановъ почему то совершенно игнорируетъ. Эта точка зрѣнія даетъ намъ возможность биологически объяснить характерную черту Костылевыхъ, отсутствіе въ ихъ душахъ свѣтлаго луча и божьей искры. Съ точки зрѣнія биологіи, эксплуататоры—это паразиты, т. е. организмы, живущіе на счетъ другихъ, напримѣръ, какъ глисты, вша и т. д. При переходѣ отъ свободнаго образа жизни къ паразитическому, организмы теряютъ нѣкоторые органы, ставшіе имъ теперь ненужными. Этимъ объясняется, напримѣръ, что у глиствъ нѣтъ кашечника. Точно также при чужаждномъ образѣ жизни становится ненужной и сложная нервная система. Сложная техника для паразита только излишній балластъ, такъ какъ нервы нужны ему только для управленія растительными процессами отъвѣщающаго тѣла.

Точно также и для хозяевъ-хищниковъ „свѣтлый лучъ“, „искра божія“ тоже только излишній балластъ въ жизненной борьбѣ, отъ котораго они неизбѣжно должны отдѣлаться.

Охарактеризовавъ далѣе въ краткихъ словахъ Васюку Пенла и Барона, Тархановъ переходитъ къ Алешкѣ и патетически восклицаетъ: „Вотъ до какого безличія, отсутствія всякихъ цѣлей въ жизни и отсутствія всякаго самосохраненія довелъ себя Алешка водкой!“

Въ дальнѣйшей характеристикѣ героевъ драмы идутъ уже сплошные куріозы.

Настенька, оказывается, живетъ воспоминаніями о своихъ прошлыхъ романическихъ приключеніяхъ, а не фантастическими образами, замѣстившими ихъ бульварныхъ романовъ; Сатинъ—это „лицо, цинично и ѣдко относящееся къ людямъ, къ чести и совѣсти, къ справедливости людской; а Лука—носитель вѣры въ милосердіе Божіе и проникающій глубокимъ религіознымъ чувствомъ, которое, по мнѣнію почтеннаго академика, „есть одно изъ могучихъ утѣшеній въ особенности для страждущей обездоленной братіи, научающее ее терпѣнію и мирному слѣдованію по пути прогресса“.

Выраженіе Луки „правда не всегда по недугу человѣку... не всегда правдой душу вылечитъ“ тоже встрѣчаетъ полное сочувствіе автора разбираемой нами статьи. Онъ придаетъ ему громадное *практическое* значеніе. Это міросозерцаніе, говоритъ онъ, „облегчаетъ пассивное перенесеніе людьми тѣхъ невзгодъ и страданій, которыми такъ переполнена жизнь, и можетъ предотвращать недѣлсообразныя горячія реакціи и взрывы, которые бы еще болѣе могли усугублять жизненныя страданія“.

На этомъ кончается первая часть такъ заинтересовавшей всѣхъ лекціи популярнаго среди петербургской публики ученаго. Здѣсь Тарха-

новъ былъ въ чуждой ему сферѣ обществен-
ныхъ явленій и поэтому эта часть интересна
только какъ показатель того, что можно быть
одновременно хорошимъ біологомъ и очень пло-
химъ толкователемъ общественныхъ явленій...

Вторая часть посвящена біологическому ана-
лизу жизни на дѣѣ.

Этотъ біологическій анализъ Тархановъ по-
нимаетъ очень своеобразно; по его мнѣнію,
это разборъ того, — насколько физическій, умст-
венный и нравственный обликъ героевъ Мак-
сима Горькаго является естественнымъ послѣд-
ствиемъ тѣхъ физиологическихъ и социальныхъ
условій, среди которыхъ протекала ихъ
жизнь.

Но какая же это *біологическая* точка зрѣ-
нія? При чемъ тутъ социальные условия, выяс-
неніе которыхъ отнюдь не составляетъ пред-
метъ біологіи? И почему изъ всѣхъ біологиче-
скихъ факторовъ, которые, въ общей совокуп-
ности оказываютъ замѣтное вліяніе на нашу
жизнь, авторъ остановился только на физиче-
скихъ условіяхъ и совершенно игнорируетъ
остальные?

Но пойдѣмъ дальше.

Посмотримъ, какія общія причины заставля-
ютъ, по мнѣнію почтеннаго академика, опу-
скаться людей на дно житейскаго моря.

По его мнѣнію, этихъ причинъ четыре: голо-
дъ, холодъ, алкоголизмъ и наследственность.

Собаки при голодаѣи и хроническомъ недо-
ѣданіи обнаруживаютъ недовольство и беспо-
койство. Хроническое недоѣданіе, измѣняя нер-
вные центры и ведя ихъ къ разрушенію, нару-
шаетъ и теченіе психическихъ функцій, а черезъ
это и все поведеніе животныхъ и человѣка. У
людей недоѣдающихъ „ослабляется и извра-
щается сознаніе, а слѣдовательно, и элементы
чувства, мысли и воли“. Они становятся инва-
лидами, не способными къ борьбѣ за существо-
ваніе; легко побѣждаемые въ этой борьбѣ, они
выбываются изъ кадровъ обычной жизни и опу-
скаются на дно.

Холодъ усугубляетъ дѣйствіе голода, такъ
какъ организмъ, подвергаемый охлажденію,
силыѣе растрчиваетъ то тепло, которое раз-
вивается на счетъ сгорания элементовъ, достав-
ляемыхъ пищей; поэтому всякое сбереженіе тепла
равносильно сбереженію извѣстнаго количества
пищи.

Алкоголизмъ на ряду съ наследственностью,
тоже тянутъ „на дно“ людей, такъ какъ хро-
ническое отравленіе этиловымъ спиртомъ тоже
вызываетъ значительныя измѣненія въ прото-
плазмѣ нервныхъ клѣтокъ и въ связаннымъ съ
ней проявленіяхъ душевной дѣятельности.

На этомъ и кончается „Біологическій“ ана-
лизъ трущобной жизни, который вызываетъ
одно недоумѣніе. Трудно, конечно, возразить
что-нибудь противъ того, что недостатокъ пи-
танія отзывается на отправленіяхъ нервной си-
стемы. Но приписывать этому фактору слыш-
нымъ преувеличенное, чуть не исключительное
значеніе, тоже неправильно. Да и откуда Тар-
хановъ взялъ, что у героевъ ночлежки ослаб-
лено и извращено сознаніе? И неужели духъ
недовольства, который свилъ себѣ прочное
гнѣздо „на дѣѣ“, объясняется только хрони-
ческимъ недоѣданіемъ? Это что то ужъ черезъ
чуръ! Безспорно также, алкоголизмъ въ качест-

въ ближайшей причинѣ играетъ видную
въ жизни ночлежки. Но что намъ можетъ ра-
яснить одно голое описаніе тѣхъ физиологиче-
скихъ измѣненій, которыя наступаютъ при
равленіи алкоголемъ? Развѣ такъ должны
ныне откликаться на явленія общественной
ни. Да и развѣ клиническая картина голода
и алкоголизма, притянутая бѣлыми нитями
изложенію драмы, можетъ быть названа ан-
зомъ жизни „на дѣѣ“?

Къ чему такой „анализъ“? Что онъ
дастъ въ той формѣ, которую предлагаетъ
Тархановъ? Да, ровно ничего! Мы видимъ
сценѣ голодныхъ людей, одѣтыхъ въ лохм
и дрожащихъ отъ холода, но сознающихъ
положеніе и способныхъ живо и горячо ин-
соваться широкими вопросами, которые по-
не приходятъ въ голову и патентованнымъ
нымъ; мы страдаемъ отъ совнанія того, что
опусканіе нашихъ ближнихъ на дно есть
избѣжное послѣдствіе условій современ-
историческаго момента, и въ это самое в-
намъ говорятъ: вы видите, что вотъ эти
голодаютъ, стучатъ зубами отъ холода,
нутъ отъ пьянства и разврата? Видите? Т
вотъ физиологія, милостивые государи, у
насъ, что хроническое недоѣданіе произво-
въ организмѣ то то и то то, а холодъ еще
губляетъ это; хроническое отравленіе али-
лемъ отзывается на организмѣ такъ-то и т
то, а наследственность вліяетъ въ такомъ
такомъ направленіи.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Тархан-
дѣлаетъ это не такъ откровенно, какъ я
пародирую, а съ экивоками, ламентациями и
реніемъ въ вѣсь.

Онъ говоритъ еще, что кромѣ голода, х
да, алкоголизма и наследственности, „могу
поводами къ паденію человѣка служить те
мракъ невѣжества и слабость вѣры, т. е. не
наго религіознаго чувства, которые огра-
вають, съ одной стороны, средства къ жи-
къ жизненной борьбѣ, а, съ другой, осла-
ють и любовь къ ближнему“.

Но все это пустяки! успокаиваетъ насъ
конецъ почтенный академикъ. Все это
намѣнить!

Нужно только такъ поставить наше
ственное и, главное, религіозное воспитаніе,
чтобы оно боролось съ природными престу-
ми наклонностями. Къ тому же наука и ре-
даютъ намъ ясное представленіе о необ-
мѣншихъ біологическихъ и социальныхъ
вѣяхъ жизни и отклоненіяхъ, подрывающихъ
въ корнѣ. Нужно только примѣнять эти зн-
къ „живымъ могиламъ“, и дѣло будетъ въ
пѣ. Далѣе идутъ ламентации о томъ, что у
нѣтъ „арміи спасенія“ о „свѣтломъ солнеч-
лучѣ“, „свѣжемъ воздухѣ“ и т. д. и т. д.
томъ же духѣ.

Всѣ эти пасторали и куріозы производятъ
только комическое впечатлѣніе, если бы
вирующій филистерскій тонъ ихъ не навелъ
на грустные размышленія...

А. Немилос